

М и х а и л К н и ж н и к

ЗАПИСНАЯ КНИГА

Из четвертого тома

— Вы можете найти рифму к моей фамилии? — спросил Файнберг. Мы выпивали в кафе «Дружба», было такое замечательное кафе в Ташкенте *на Сквере*. Нас было трое, и разговор шел о поэзии. Среди прочего и о том, что есть такие фамилии, к которым непросто подобрать рифму. Не дожидаясь ответа, он сказал:

— А я нашел! «Фабрик».

Игорю Бяльскому рифма не понравилась, а мне — наоборот, мне тогда нравились рифмы неточные.

В нынешних айфонах есть сервис голосовых команд, называется «Сири». Ты можешь спросить: «Сири, какая сейчас погода в Париже?» — и она ответит, или велишь позвонить кому-то. Как и все голосовые сервисы, этот не очень совершенен, не всегда распознает слова, в ответ несет околесицу, то есть вполне воссоздает образ дамы туповатой и самоуверенной. Я слышал, как выведенный из себя Адам закричал: «Сири, дура, убить тебя мало!»

— Вы нуждаетесь в срочной психиатрической помощи. Вот адреса поблизости от вас... — невозмутимо ответила она.

Еду тут недавно, решил поговорить со старым, еще с институтских времен, другом.

— Позвонить: Жорик Каценович, — прокричал я «Сири», громко, внятно и в именительном падеже.

Она ответила:

— Результаты поиска по запросу «Жорик как все, но ВИЧ»...

Дальше я не слушал.

— —

Сталин с неумолимой периодичностью вылезает из могилы. Я помню подростком, как во время показа фильма «Посол Советского Союза» с Юлией Борисовой в главной роли, шепот-шорох прошел по залу, когда на экране появились кадры хроники со Сталиным. То был год 69–70-й, народ уже успел стосковаться.

Потом это повторялось несколько раз с разной степенью интенсивности.

Сейчас — один из таких витков. И снова возникает мысль: Сталин похоронен, но забальзамирован, поэтому при необходимости его выкапывают, отряхивают, и он опять — как новенький.

— —

Приехал с лекцией профессор из Польши. Сказал, что живет в Майданеке. Я был удивлен и не расспросил его, что это: отдельный город, район Люблина?

Снова сталкиваюсь с тем, что символы трагедий на деле оказываются абсолютно реальными заштатными городками, в которых и поныне живут люди. Герника, Майданек, Дахау, Катынь.

— —

Моя планида закрутила еще один замысловатый завиток, или, как говорят на иврите, замкнула окружность.

Недолгая парижская командировка проходила в больнице им. Анри Мондора.

Больница на окраине Парижа, огромная, коек на тысячу. «Рабочая лошадка», не сияющая, кое-где обшарпанная, но аппаратура вся новая и действует. Тому, чьим именем она названа, посвящено немного: бюст небольшой и табличка с пояснением.

В моей хирургической юности имя Мондора было легендарным. Считалось высшим пилотажем обзавестись двухтомником «Неотложная диагностика. Живот». Тот, хотя и выдержал девять переизданий на русском в 30-х годах, к концу 70-х был абсолютным раритетом. А там страниц двадцать было в начале посвящено только тому, где

и как должен сидеть врач, осматривающий пациента и как он должен готовить руки. Надо сказать, что отголосок этих двадцати страниц обнаруживаю у себя и сегодня. Спокойная повествовательная манера, обороты вроде этого: «Но самые обыкновенные случаи наиболее поучительны. Поищем между ними» — просто очаровывали.

Перелет из Ташкента в Иерусалим со мной совершили два десятка медицинских книг. За прошедшие двадцать лет в доме задержались всего три: «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, «Этюды желудочной хирургии» Юдина и вот, Мондор. Вернувшись из Парижа, я перечитал несколько страниц. Устарело все, конечно, но достойно уважения. И опять же — стиль. Стиль остался.

Во французской «вики» я вычитал, что он был членом четырех французских академий, включая академию Малларме, и дожил до 1962 года. То есть целый год мы с Мондором жили на этом свете одновременно.

В больнице же мне сказали, что Мондор здесь никогда не работал, что он был больше писателем и хирургическим деятелем, чем действующим хирургом. И еще, что за границей он гораздо более известен, чем на родине.

--

В свое время меня удивили приспособления Господа, создававшего птиц именно для полета: полые кости, короткий и быстродействующий кишечник. Последнее многие не раз испытали на себе.

Зачем я вспомнил про это? Просто подумалось про быстрый птичий метаболизм нынешнего сознания.

Совсем недавно внезапно умер нестарым яркий и талантливый человек. Я был совсем чуть-чуть знаком с ним. Пока я переваривал эту ошеломительную для меня новость, лента запестрела готовыми текстами, иногда немалого объема, они прославляли и проклинали: покойный был человеком неоднозначным. Предполагать, что у кого-то имелись заготовки некрологов, не приходится, смерть была неожиданной и явно преждевременной (и, к слову, я до сих пор сомневаюсь, что естественной). К вечеру лента была полна до краев. Некоторое количество высказываний появилось на следующее утро, но к вечеру стало угасать. Небольшую вспышку интереса вызвали похороны. И все — тишина. Птичка схватила свою добычу, переварила и полетела дальше.

— —

Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А.П. Чехов «Студент»

В конце февраля 1902 года Ольга Леонардовна навестила Чехова в Ялте, пробыла там пять дней и вернулась в Москву. В апреле у нее случился выкидыш. Дональд Рейфилд в своей книге, сопоставив даты, высказывает осторожное сомнение в том, что беременность была от Чехова. Ольга Книппер придерживалась не самых строгих правил, известно о ее связи с Немировичем-Данченко. Даже на похоронах Чехова она шла, опираясь на руку Немировича. Вот где была настоящая пошлость, а не в несчастном вагоне для устриц.

Выкидыш и сопровождающие его гинекологические процедуры осложнились эндометритом, воспалением придатков и тазовым перитонитом. Лечил Ольгу известный московский гинеколог Максим Штраух.

О принятых тогда методах лечения промолчу. Сто лет назад ведь всего, а звучит как каменный век, какое-то невероятное варварство. Инъекции мышьяка. Только-только делались робкие попытки оперировать внематочную беременность, до этого женщины просто умирали от кровотечения.

Штраух лечил Книппер долго и вылечил. Она выздоровела, но забеременеть уже не смогла. Желаемого ребеночка Чехов так и не дождался.

Доктор Штраух был на четыре года старше доктора Чехова, в 1902 году ему исполнилось 46. За два года до этого у него родился сын, названный в честь отца.

Умер он раньше Чехова, не дожив до пятидесяти, от рака печени. Но и Чехову оставалось совсем немного: чуть не упасть на сцене во время премьеры «Вишневого сада», выказать желание ехать в Манчжурию военным врачом и корреспондентом, но вместо этого доехать лишь до Баденвейлера.

Сын известного московского гинеколога стал актером, играл у Мейерхольда, в Малом, в театре им Маяковского. Был народным СССР,

лауреатом Ленинской и трех Сталинских. В течение почти тридцати лет он был главным исполнителем роли Ленина в кино, из них лет двадцать — со смерти Бориса Щукина и до XX съезда — единственным, каноническим. Это в 60-х отряд экранных Ильичей был оживлен молодыми вольнодумцами в границах дозволенного.

В преклонные годы Штраух сделал большой зигзаг: оставил жену, народную артистку РСФСР Юдифь Глизер и женился (или не женился) на молодой Кате Градовой. Разница в возрасте у них составляла не какие-то стыдливые 25–30, а полноценные, весомые полвека.

Покоиться Штраух предпочел со старой женой на Новодевичьем. Екатерина Градова стала женой советской суперзвезды Андрея Миронова, родила ему дочку, тоже ставшую известной актрисой, и сыграла по-настоящему культовую роль. Радистка Кэт — вторая после Анки-пулеметчицы киногероиня анекдотов, то есть фольклорный персонаж. Непрерывная цепь, говорите? Ну-ну...

—

Рассказал Феликс Хармац.

Сговорился с приятельницей поехать на вечер «Иерусалимского журнала». Утром на телефоне мелькает сообщение от нее, видна только первая строчка: «Сегодня ночью скоропостижно скончался...» Я еду по трассе, движение напряженное, ментов — куча (*У нас в Израиле за использование телефона наказывают очень жестоко. Руку не отрубает пока, но такие штрафы дают, что иной раз думаешь, что, может быть, лучше руку.* — М.К.). Еду, психую, никак не могу посмотреть. Наконец сворачиваю в какой-то проулок, открываю. «Сегодня ночью скоропостижно скончался мой телефон, поэтому звони по номеру...»

Я позвонил и сказал:

— Запомни, предложения нужно начинать с подлежащего!

—

В юном и вполне гормонально приподнятом возрасте я тем не менее считал, что глазеть на слишком вызывающее декольте не следует, нужно отводить глаза, как от человека с винным пятном на пол-лица или на не добежавшего до туалета старика, или женщину с ребенком-

макроцефалом на руках. То есть — взглядом в упор не ставить человека в неловкое положение.

Наждачные годы славно поработали над той юной деликатностью, и сейчас я считаю, что смотреть в декольте не только можно, но и нужно, что именно для этого оно и надето (или не надето). Говорить ничего нельзя, руки нужно контролировать, но вот глазеть, зырить, пялиться — сколько угодно.

—:—

В пору выбора и поисков жилья в той деревне под Иерусалимом, где мы сейчас и живем, наткнулись на объявление о продаже виллы, цена была весьма привлекательная, или, как сейчас говорят, аттрактивная.

При ближайшем рассмотрении вилла оказалась небольшой двухэтажной квартирой, и цена ее теперь выглядела явно завышенной.

— Зачем ты написала «вилла»? — спросили мы экзальтированную хозяйку, когда та устала описывать достоинства своей недвижимости.

— Для меня она как вилла, — ответила хозяйка.

Я вспоминаю о ней каждый раз, когда мне пытаются всучить подделку под видом оригинала, ложь под видом правды, войну под видом борьбы за мир. Тогда я произношу чаще про себя, но иногда и вслух не совсем понятную окружающим фразу:

— Для меня она как вилла.

—:—

Еще подростком, еще читателем журнала «Пионер», прочитал про Магеллана и оставил зарубку на всю жизнь.

Приняв участие в войне между двумя дикими племенами на стороне одного из вождей, Магеллан был убит.

Для меня это стало символом бессмысленной смерти. Нельзя воевать на чужой войне, нельзя гибнуть за то, что тебе не важно.

